

Спорять о томъ, ребенокъ ты или нѣтъ? Докажи имъ, что нѣтъ, и перестань дуться!

— Право, мнѣ все кажется, что это мистификація, любезнѣйшая Варвара Тихоновна!—сказалъ между тѣмъ Прягинъ.

— Не мистификація, а любовь! Я вѣдь возражала, уговаривала... Я плакала!..

Варвара Тихоновна оросила слезами платокъ. Прягинъ взглянулъ на нее сквозь синій дымокъ холоднымъ взглядомъ.

— Любовь!—повторилъ онъ.—А можетъ быть это и правда, хоть и похоже на шутку... На приданое онъ не рассчитываетъ?

— Что вы! даже не заикался! Такой-ли онъ человекъ!

— Вѣрно, вѣрно!

Еще посидѣлъ Никодимъ Павловичъ, кусая сигару, и вдругъ всталъ.

— Мнѣ въ этомъ домѣ нечего больше дѣлать! — произнесъ онъ, сѣясь улыбнуться.—Пчелка напла себя опекуна по-сердцу, и если это серьезный фактъ, мнѣ остается только уйти и перестать рисковать каждый день сломать себя шею. Не правда ли? Вѣдь и то выиграешь?

— Никодимъ Павловичъ! Голубчикъ! Не сердитесь на нее!

— Боже меня сохрани! Мнѣ жаль ее — только. До приятнаго свиданія!

Но выбѣжала Раиса.

— Куда вы? Куда? Это чтѣ значить? Вы уѣзжаете? Не будете у насъ обѣдать? А вѣз шляпу!

Она забросила шляпу.

— Разсердились, что выхожу замужъ? Но я буду счастлива! Милый Никодимъ Павловичъ, оставайтесь у насъ, и пусть все будетъ по прежнему! Кромѣ того, я прошу васъ быть моимъ шаферомъ!

Она протянула ему руку. Онъ покраснѣлъ.

— Согласны, Никодимъ Павловичъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну вотъ... — сказала она, тоже краснѣя, ибо не ожидала, что такъ скоро и легко сломить упрямство Никодима Павловича и онъ поцѣлуетъ у нея руку.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и досталъ новую сигару.